

всего промпроизводства в стране). 2007 год, привёл к росту в этой отрасли на 25–27%, что стало лучшим доказательством возможности опережающего экономического развития. А к 2010 году во многом удалось добиться решения главной задачи — изменения демографической тенденции 1992–2009 годов, когда абсолютное сокращение численности практически удалось остановить.

С точки зрения приоритета ресурса НЧП это означает, что быстрого и значительного результата можно добиться даже в частном случае, если, во-

первых, власть увидит и сформулирует такую задачу, а, во-вторых, если ее энергии хватит хотя бы на несколько лет (в данном случае 5 лет) для того, чтобы попытаться эту задачу решить.

Подытоживая, можно сказать следующее. Сократительное выделение приоритета в развитии важнейшего ресурса — НЧП, — означает возможность не только эффективного использования, но и наращивания этого ресурса, который, в свою очередь, становится важнейшей политико-идеологической целью развития.

7. Проблема «фазового перехода»¹⁰⁷ и идеология будущей России

...особую значимость продолжает сохранять идеология... именно идеология формулирует тот политический идеал..., достижение которого становится самоцелью (самоценностью)¹⁰⁸.

*М. Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)*

Переход на инновационный путь развития связан, прежде всего, с масштабными инвестициями в человеческий капитал¹⁰⁹.

*В. Путин,
президент России*

Выбор правящей элитой идеологии развития и, как следствие, алгоритма стратегии национального развития предполагает учет тех принципиальных изменений в мировом сообществе, науке, технике и технологиях, которые оказываются в первой четверти XXI века и носят качественный характер. Нельзя исходить исключительно из внутренних факторов, определяющих национальную идеологию, — национальных интересов, ценностей и ресурсов. Важно понимать их в контексте глобальных изменений.

Сегодня Россия, как и все человечество, переживает фазовый переход¹¹⁰, который проявляется в переходе в качественно новое состояние, новые пространственные и временные структуры, когда происходят качественные изменения в самом характере развития всего человечества. Уникальность этого времени уже не подвергается сомнению, хотя существо происходящих процессов в мировой экономике и обществе до конца неизвестно, да и вряд ли может быть точно определено. Ясно только, что как и вода, нагретая до определенного состояния, превращается в пар, так и современное общество ожидает переход в какое-то новое, неизвестное пока состояние, параметры которого можно лишь предполагать, опираясь на комплексные исследования естественных и общественных наук. Пока, что ясно: кризис 2008–2011 годов не был заурядным мировым кризисом. Тем более только финансово-экономическим. Он стал предвестником перехода в качественно новое состояние человеческой цивилизации. Вопрос: в какое?

Ясно и то, что кризис 2008–2011 годов стал возможным именно из-за того, что этот фазовый переход уже начался: появились принципиально новые вызовы и угрозы, к которым человечество, национальные правительства и существующие институты оказались не готовы. Прежде всего они оказались не готовы политико-идеологически, концептуально. И кризис 2008–2011 годов это отчетливо показал.

Речь идет о решении принципиального вопроса о развитии человечества, т. е. социальной составляющей человеческой деятельности, которая, к сожалению, мало изменилась за последние 150 лет со времен К. Маркса, писавшего: «Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей, либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы»¹¹¹.

Понимать это надо, хотя бы потому, что новое фазовое состояние цивилизации неизбежно внесет качественные изменения. Прежде всего политико-идеологические. Пока что мы только догадываемся, какими они будут. Но важно отдавать себе отчет, что они, во-первых, будут неизбежно, во-вторых, что общество, государство и экономика станут качественно

иными, а, в-третьих, что наша идеология и вытекающая из нее долгосрочная стратегия должна каким-то образом их учитывать. Или хотя бы понимать их неизбежность. Как понимать и то, что математические модели или макроэкономические экстраполяции не пригодны для создания долгосрочного национального прогноза и тем более стратегии национального развития, ибо эффективный прогноз и стратегия предполагают достижение конкретных целей. Сам по себе прогноз и стратегия малофункциональны, если они не ведут к достижению стратегических целей. Как справедливо заметил китайский философ Сунь-цзы в своей великой работе «Искусство войны», «в войне нужна победа, а не военные действия»¹¹².

Это прикладное значение прогнозов и стратегий — главное требование. И самое трудновыполнимое. Сегодня уже не надо доказывать, как в 1990-е годы, необходимость стратегических прогнозов. Общество и элита дозрели до этого. Но надо вести споры и размышлять об их адекватности и практической полезности. В противном случае появляются ложные прогнозы и ложные стратегии, которые не помогают, а мешают практической реализации стратегии развития.

Так, либералы навязывают в последние годы особенно активно простую, даже примитивную модель либеральной демократии, как «наиболее адекватную» идеологию и стратегию развития. При этом они исходят из простого понимания, что весь мир делится на «деревню» и «город», а Россия принадлежит именно к «деревне», которой предстоит двигаться в сторону «города». Как пишет профессор ВШЭ Л. Васильев, «на Востоке власть всеильна, человек — подданный, собственник бесправен, буржуазии нет; это мировая деревня. На Западе с античности господство гражданского общества и городской культуры, прав и свобод индивида, подчиненная жесткой процедуре демократии, на время избранная власть и независимый суд, служащие интересам собственников и способствующие протобуржуазному предпринимательству и модернизации; это — мировой город. Понятно, что и третье сословие как феномен — порождение Запада»¹¹³.

Поэтому, на взгляд наших либералов, проблема «фазового перехода» решается просто: необходимо движение в сторону либеральной демократии и отказа от «имперских амбиций» (суверенитета). Но кризис 2008–2011 годов, даже по признанию авторитетов либерализма показал кризис либерализма и капитализма, необходимости поиска новой модели. Зачем же тогда учиться старому? Тому, от чего хотят отказаться на Западе?

Собственно провалы различных концепций и стратегий социально-экономического развития в 2008–2011 годы подтверждают этот вывод. Как вывод и о несостоятельности такой идеологии.

И начинать надо не с экстраполяции, а с попыток качественного анализа возможных трендов исторического развития цивилизации, частью кото-

рой является российское общество и его экономика, т. е. с анализа внешних условий и международных реалий. Так, например, не может не обратить на себя внимание концепция ряда ученых, ставшая известной благодаря С. Капице. В частности, проблема «ускорения» истории, т. е. этапов ее развития, имеющих фундаментальное значение для стратегического прогноза применительно ко всему человечеству и, естественно, России.

Периодизацию истории и сжатие исторического времени подробно обсуждает петербургский историк И. Дьяконов. Здесь уместно привести слова из его обобщающей монографии «Пути истории»:

«Нет сомнения в том, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения. От появления *Homo sapiens* до конца I фазы прошло не менее 30 тыс. лет, II фаза длилась около 7 тыс. лет. III фаза — около 2 тыс. лет, IV фаза — около 1,5 тыс. лет, V фаза — около тысячи лет, VI фаза — около 300 лет, VII фаза — немногим более 100 лет.

Продолжительность VIII фазы пока определить невозможно. Нанесенные на график, эти фазы складываются в экспоненциальное развитие, которое предполагает, в конце концов, переход к вертикальной линии или, вернее, к точке — так называемой сингулярности. По экспоненциальному же графику развиваются научно-технические достижения человечества, а также, как упомянуто, и численность населения Земли. Вертикальная линия на графике равносильна переходу в бесконечность. В применении к истории понятие „бесконечность“ лишено смысла: не могут дальнейшие фазы исторического развития, все убыстряясь, смениться на годы, месяцы, недели, дни, часы и секунды.

Если не предвидеть катастрофы — хочется верить, что премудрый *Homo sapiens* сумеет ее предотвратить, — тогда, очевидно, следует ожидать вмешательства каких-то сил, которые изменят эти графики. Хорошо, если они переведут их на платформу, плохо, если изменение выразится в стремительном падении линии на графиках от какой-либо достигнутой вершины. Будем все же надеяться, что уже вскоре человечество ждут непрогрессирующие или слабо прогрессирующие фазы»¹¹⁴.

«Дьяконов справедливо проводит аналогию с физическим понятием фаз и фазовыми переходами между ними. Он с удивительной полнотой и четкостью описал свое видение исторического процесса, которое в деталях совпадает с развитыми в модели представлениями. Пусть выделенные им фазы не совпадают с демографическими циклами. Этого совпадения и не следует ожидать в силу трудности идентификации указанных фаз и неопределенности критериев установления их пределов. Но здесь с полной ясностью указано на сжатие исторического времени и на то, что наша эпоха есть время кризиса. Прохождение и выход из кризиса описаны в модели.

Табл. 3. Развитие человечества в логарифмическом масштабе

Эпоха	Период	Дата годы	Число людей	Культурный период	ΔТ лет	История, культура, технология
С		2150	11 x 10 ⁹	Стабилизация населения Земли	125	Переход к пределу 11 x 10 ⁹
		2050	10 x 10 ⁹			Изменение возрастного распределения Глобализация
	T ₁	2000	6x 10 ⁹	Мировой демографич. переход	45	Урбанизация
В	11	1955	3 x 10 ⁹			Компьютеры Ядерная энергия
		10	1840	10 ⁹	Новейшая	125
	9	1500		Новая история	340	Промышленная революция Книгопечать
	8	500 нэ		Средние века	1000	Географические открытия Падение Рима
	7	2000 днэ	10 ⁸	Древний мир	2500	Христос, Осеевое время Греческая цивилизация Индия, Китай, Будда, Конфуций
	6	9000				Неолит
			10 ⁷			
	5	29 000		Мезолит	20 000	Керамика, Бронза Микролиты
	4	80 000		Мустье	51 000	Заселение Америки
	3	0,22 мл	10 ⁶	Ашель	1,4 x 10 ⁵	Homo sapiens Речь, огонь
	2	0,60 мл		Шелль	3,8 x 10 ⁵	Заселение Европы и Азии Рубила
	1	1,6 мл	10 ⁵	Олдувай	1,0x 10 ⁶	Галечная культура, Чоппер Homo habilis
А	T ₀	4,4 мл	(1)	Антропогенез	2,8 x 10 ⁶	Отделение гоминидов от гоминоидов

При таком подходе происходит также и усреднение времени. Иными словами, скорость роста зависит не от мгновенного значения населения мира, а от его среднего значения в течение времени усреднения, которое становится все больше по мере ухода в прошлое. Таким образом в модель вводится память о прошлом. Так модель смогла описать рост за все время существования человечества. Результатом расчетов стала таблица (табл. 3), где представлен как рост населения Земли, так и развитие человечества с момента его возникновения до современности¹¹⁵.

Но наше, российское общество должно иметь свою модель, свой прогноз развития при любых обстоятельствах. В том числе и потому, что эта субъективная модель, может стать, повлиять и на глобальные процессы развития человечества. Понятно, что национальный стратегический прогноз **невозможно вычлени**ть из комплексного стратегического прогноза общечеловеческого развития, но представить его в качестве **части этой системы** — просто необходимо. В конце концов наше общество имеет ограничение ресурса влияния на человечество (например, менее 3% мирового ВВП), но вполне контролирует собственные ресурсы и планы развития¹¹⁶.

Стратегический прогноз для России в основном предопределен, но не макроэкономической экстраполяцией, а **идеологическим выбором элиты**, которая изначально закладывает в него (или должна формулировать) не только цель развития, но и **сущность** этого развития.

В этом смысле макроэкономическая экстраполяция применительно к такой сложной системе, которой является общество, не просто бесполезна, но даже вредна: ни один прогноз (и лежащие в их основе сценарии развития) не подтверждается даже в среднесрочной перспективе. Не говоря уже о стратегическом прогнозе. Даже когда утверждают, что такие прогнозы и модели учитывают множество факторов.

В этой связи хотел бы поддержать своего давнего единомышленника С. Капицу, уже не раз пытавшегося установить соответствие между представлениями современного естествознания и исторических наук, в его выводе, имеющем для целей настоящей работы принципиальное значение: «Линейные модели, учитывающие, казалось бы, все возможные факторы, не состоятельны при анализе поведения сложных систем»¹¹⁷. Применительно к этому разделу, посвященному стратегическому прогнозу для России, это означает, **во-первых**, необходимость отказа от со-

циально-экономической экстраполяции как метода и, соответственно, стратегий (концепций), основанных на таких прогнозах. **Во-вторых**, признание безусловного приоритета волевой установки, «желаемого образа» над экономическими и финансовыми тенденциями, т. е. признание приоритета идеологического прогноза над макроэкономической экстраполяцией. **В-третьих**, признание особого значения в таких прогнозах нематериальных факторов развития — прежде всего связанных с НЧК (демографического, творческого, социального и т. д.).

Другими словами, если экстраполяция делает прогноз «снизу» (от достигнутого уровня), то идеологический прогноз — «сверху» (от желаемого образа). Такая сложная социально-экономическая система как нация в действительности гораздо больше зависит от субъективных факторов, чем от внешнеобъективных экономических тенденций. Даже на нашей памяти мы видим 60% падения ВВП в 90-е годы в России и такой же 60% рост в Финляндии, последовавшие после кризиса 1990-х годов.

Споры о будущем России, которые начались сразу же после развала СССР, не прекращаются и сегодня. Более того, именно в связи с перспективами модернизации, ставшими предметом острой дискуссии в 2004–2010 годы, эти споры стали особенно актуальными. Причем не только по поводу модернизации, но и будущей политической системы, демократии, будущего общества и т. д., что свидетельствует о **системности** этой проблемы¹¹⁸.

Но эти же споры велись и задолго до этого, ассоциируясь то с будущим империи, то с будущим СССР. Как писал Н. Бердяев, «Вместо третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима... Третий Интернационал есть не Интернационал, а **русская национальная идея**. Это есть трансформация русского мессианизма». Выступая в качестве кандидата на президентских выборах в 2000 году главным слоганом я сделал, слоган — **«Россия — империя XXI века»**¹¹⁹.

Действительно, неизбежно приходишь к выводу, что не экстраполяция существующих макроэкономических реалий, а **тот образ, ставший политико-идеологической целью**, который создает российская элита, становится **изначальной точкой для формирования стратегического прогноза, стратегического планирования, а, в конечном счете, стратегии развития России**. Образ, который можно назвать «национальной идеей». Последовательность такова: см. рис. 19.

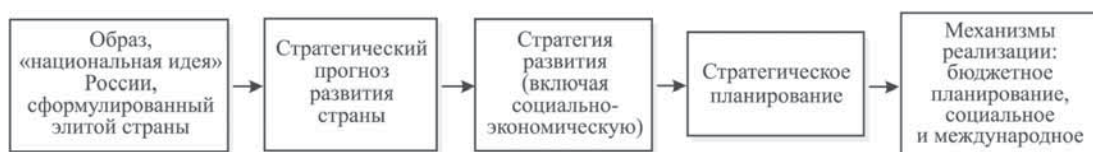

Рис. 19.

Важность такого стратегического прогноза основанного на национальной идее, — очевидна. Но, пока что не для правящей элиты страны, которая признала в 2005–2010 годы полезность и необходимость лишь **частных** — отраслевых, региональных и пр. — прогнозов развития. В самые последние годы в России не только осознали их значение, но и предприняли некоторые попытки их подготовки. Заговорили даже о «буме стратегических прогнозов». Большинство из которых, к сожалению, носили узкоотраслевой (региональной) характер, не будучи привязаны ни к главным политико-идеологическим целям, ни к стратегии развития всей страны.

Кроме узкоотраслевых и региональных долгосрочных прогнозов, были сделаны и комплексные. В качестве одного из таких примеров можно привести прогноз, подготовленный Центром макроэкономического анализа и прогнозирования под руководством А. Белоусова в 2005 году¹²⁰. Все эти прогнозы, однако, изначально либо исключали, либо недооценивали значение формулирования политико-идеологической **цели**, национальной идеи развития. Прогноз А. Белоусова — не только один из самых добросовестных макроэкономических прогнозов, но и одна из первых попыток выйти за рамки простой экономической экстраполяции. Хотя — должен сразу же оговориться — России нужен скорее макроисторический прогноз.

Целесообразно подробно привести основные положения долгосрочных сценариев и их прокомментировать, ибо они на сегодня позволяют сделать вывод в целом об уровне стратегических прогнозов в России:

«Долгосрочные сценарии, по мнению авторов, предполагает анализ возникающих в перспективе возможностей и „кризисных узлов“ позволяет выделить **четыре фундаментальных фактора**, лежащих в основе долгосрочных сценариев развития российской экономики:

- реализация сравнительных преимуществ российской экономики — энергетического, научно-исследовательского, транзитного и сельскохозяйственного потенциала — за счет ее рационального включения в мировое хозяйство и привлечения капиталов;
- модернизация массовых производств, производящих продукцию средней степени сложности, что дает возможность использовать преимущества емких внутренних рынков;
- формирование массового среднего класса, позволяющее развернуть модернизацию социальной инфраструктуры и развивать образование и здравоохранение;

— формирование „рублевой зоны“ и интеграция евроазиатского экономического пространства вокруг России».

Удивительно, но среди фундаментальных факторов, лежащих в основе долгосрочных сценариев, нет важнейших, к числу которых я бы отнес огромное культурное, духовное и историческое наследие России и СССР, имеющее ключевое значение для развития человечества. Причем это наследие выражается, в том числе и в большом материальном, включая промышленность, потенциал, который фактически игнорировался в последние 20 лет. Между тем, «экономическое чудо» Сингапура началось именно с создания промышленности, ориентированной на скромный (2 млн чел.) рынок. России не нужно ничего создавать «с нуля», нужно реанимировать свою промышленность и сельское хозяйство, обеспеченное, как минимум, рынком РФ и бывших советских республик. Как признает создатель сингапурского экономического чуда Ли Куан Ю., «...мы сконцентрировали наши усилия на создании промышленности... мы ввели протекционистские меры для произведенных в Сингапуре автомобилей, холодильников, кондиционеров...»¹²¹.

К числу материального наследия СССР можно отнести к отрасли ВПК, которые обеспечили, например, Израилю и США быстрый технологический рост¹²². Как совершенно справедливо заметил Д. Медведев, «оборонно-промышленный комплекс, естественно, должен стать **не только активным потребителем такого рода разработок, но и генератором инноваций, что, собственно, сегодня мне показывали здесь, и что мы можем наблюдать в разных местах, к сожалению, может быть, не так активно, как нам бы этого хотелось (не везде это происходит)**, но, тем не менее, всё-таки у нас есть свои неплохие заделы. Только в этом случае мы обеспечим и конкурентоспособность в военной и технологической сферах, и модернизацию экономики, и, соответственно, должный уровень национальной безопасности в нашей стране.

Все инновационные направления, по которым наша Комиссия работает, являются приоритетными

не только для гражданской сферы, но и для оборонно-промышленного комплекса. Уверен, что разработки оборонно-промышленного комплекса в области **новейших медицинских, IT-технологий, космических, ядерных исследований, естественно, даже при учёте специфики таких исследований в конечном счёте не должны замыкаться внутри отрасли, они должны быть логично вписаны в контекст развития нашей страны**»¹²³.

Сегодня, например, девять базовых технологий включены 52 критические военные технологии, определяющие долгосрочные (стратегические) научно-технические приоритеты.

— геополитическое положение России, объединяющее сегодня два ведущих субъекта международных отношений, — Евросоюз и Китай, — а также граничащее со всей центральной (и фактически) Южной Азией, Ближним Востоком и Средиземноморьем;

— возможная привлекательность для остального мира российской идеологической инициативы, даже лидерства в создании новых моделей взаимоотношения государств и внутри государств. Если глобализация — этап трансформации биосферу в ноосферу, то соглашусь с редактором журнала «Мир и политика», считающим, что «... глобально-цивилизационная миссия России приобретает уникальное значение — и благодаря нашей территории, и благодаря нашему ресурсному и интеллектуальному потенциалу»¹²⁴. Я и сам об этом не раз писал в 1980-е и 1990-е годы, оттачиваясь от изучения наследия В. Вернадского;

— наконец, уникальность России, как империи, чей опыт заслуживает всяческого изучения, говорит в пользу того, что эта форма государства может быть праобразом, образцом для других государств (а не федераций и конфедераций), как почему-то считается. В этом смысле согласен с В. Якуниным, считающим, что «В перспективе либо не будет России, либо не будет проекта мировой империи. Борьба здесь идет в глобальном плане»¹²⁵.

8. Национальная идея и стратегический прогноз для России

Россию воспринимают с уважением, считаются с ней только тогда, когда она сильна и твердо стоит на ногах¹²⁶.

В. Путин

... современный мир снова можно охарактеризовать как весьма неустойчивую систему...¹²⁷.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

В эпоху «фазового перехода» для России необходимо исходить из наихудшего сценария, а именно: из всех возможных вариантов развития России выпадет наихудший, наименее выгодный. Поэтому

она должна быть готова ко всем и рассчитывать прежде всего на свои силы. Силы нации и ее НЧП. Выборы 2011–2012 годов показали, что перед новым президентом стоит задача консолидации нации на